

DOI: 10.17976/jpps/2017.02.02

ВЕКТОР РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 г. — МОДЕРНИЗАЦИЯ ИЛИ КОНТРОМДЕРНИЗАЦИЯ?

Н.С. Розов

РОЗОВ Николай Сергеевич, доктор философских наук, профессор, Институт философии и права СО РАН, Новосибирский государственный университет. Для связи с автором: prozov@gmail.com

Розов Н.С. Вектор русской революции 1917 г. — модернизация или контрмодернизация? — Полис. Политические исследования. 2017. № 2. С. 8-25. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.02.02>

Статья подготовлена при поддержке Российского государственного научного фонда, проект № 16-03-00318 “Революционные волны в динамике модернизации обществ XIX-XXI вв.: макросоциологический и социально-философский анализ”.

Статья поступила в редакцию: 05.07.2016. Принята к печати: 26.12.2016

Аннотация. Русская революция в широком смысле (с предысторией 1905-1907 гг. и до становления сталинского режима в конце 1920-х годов) рассматривается в контексте пяти автономных процессов модернизации обществ: секуляризации, роста творческой свободы в культуре, бюрократизации, капиталистической индустриализации и демократизации. Сформулированы общие связи между этими процессами и характером революций в таких аспектах, как уровень насилия, успех революции (смена власти, существенные уступки) или ее провал (победа реакции), а также тип и тенденции развития постреволюционного режима. Показано, как проявляются эти связи в случае Русской революции и чем обусловлена специфика ее траектории. Революция привела к односторонней “модернизации”: благодаря социалистической индустриализации и бюрократизации (становлению “номенклатуры”) советское государство значительно усилилось, что стало фактором последующих успехов: триумфа 1945 г. и достижения статуса сверхдержавы. Однако в аспектах секуляризации, творческой свободы и демократии произошла контрмодернизация, с чем связаны непрочность модернизационных достижений: ослабление и распад советского государства, турбулентность последующего развития России, соскальзывание бюрократии к неопатримониализму, торможение и свертывание постперестроечной демократизации, утрата передовых позиций в науке и образовании, негласное возвращение цензуры в культурном творчестве и десекуляризация общества.

Ключевые слова: Русская революция; модернизация; контрмодернизация; секуляризация; воинствующий атеизм; творческая свобода; бюрократизация; индустриализация; демократизация; Гражданская война; революционное насилие; коллективизация; сталинизм.

Содержанием и целью Русской Революции была эмансипация общества и индивида. К весне 1917 года эта цель была достигнута. После этой победы движение повернулось вспять, в сторону восстановления рабства.

Юрий Пивоваров

Революция в России еще не завершилась.

Чарльз Тилли

ОПРЕДЕЛЕНИЕ И ДВОЙНОЕ ЗНАЧЕНИЕ РЕВОЛЮЦИИ

Под Русской революцией 1917 г. (в узком смысле) будем понимать череду бурных событий в Петрограде и на территории бывшей Российской империи

с февраля 1917 г. по январь 1918 г., когда разгон большевиками Учредительного собрания послужил толчком к Гражданской войне.

При этом исход Революции — переход к относительно стабильному постреволюционному режиму — не был предопределен ни в Гражданскую, ни с учреждением СССР, ни в период НЭПа. Во-первых, в 1920-е годы внутри правящей группы и правящей партии сохранялись влиятельные силы, альтернативные “генеральной линии” (Троцкий, Бухарин, Зиновьев, Каменев и их приверженцы, с известными оговорками в этот ряд можно поставить и Кирова), а во-вторых, оставалась высокой активность белой эмиграции, так что, вообще говоря, постреволюционная политическая траектория могла оказаться иной. Настоящим итогом Революции стал Великий перелом — коллективизация 1929-1930 гг. после победы Сталина во внутривластной борьбе, тогда путь дальнейшего развития режима был задан на многие годы вперед. Поэтому Русскую революцию (в широком смысле) правомерно датировать периодом 1917-1930 гг., учитывая также ее предысторию — революционные события 1905-1907 гг.¹

В данной работе также ограничим анализ Революции процессами и событиями в столице и российском хартленде Империи, поскольку революционная динамика в этнических провинциях всегда имеет свою специфику и требует отдельного разговора.

ЧЕТЫРЕ СОСТАВЛЯЮЩИХ МОДЕРНИЗАЦИИ И ИХ СВЯЗЬ С РЕВОЛЮЦИЯМИ

Под модернизацией здесь будем понимать совокупность относительно автономных процессов *секуляризации* (смещения церкви и религии с центральных позиций в сфере культуры, морали, легитимации власти, образования и проч.), *бюрократизации* (роста и разветвления государственных структур, берущих на себя функции прежних традиционных институтов), *капиталистической индустриализации* (распространения машинного производства при использовании открывающихся рынков капитала, земли и рабочей силы) и *демократизации* (развития коллегиального разделения власти, конституционализма и расширения избирательного права) [Коллинз 2015: гл. 4-5]. В дополнение к теме секуляризации добавим еще один момент: *рост творческой свободы в культурном производстве*, ведущий к беспрестанному обновлению стилей и жанров (авангардизму в широком смысле), когда возможны частичные возвраты к прежним традициям, их синтез, рефлексия над ними, ирония, но не ригидное окостенение канонов.

Модернизация, с одной стороны, “пробивала себе дорогу” через революции, с другой стороны, вела к международным и внутривластным кризисам, к превращению европейской войны в Мировую, к соответствующему ослаблению и делегитимации государств, что способствовало революциям, в том числе Русской революции.

Обозначим общие связи между указанными выше компонентами модернизации и такими характеристиками революций как уровень насилия, успех (смена власти, существенные уступки) или провал (победа реакции), а также

¹ Ср.: “Наша революция разгуливалась от месяца к месяцу Семнадцатого года — вполне уже стихийно, и потом Гражданской войной, и миллионным же чекистским террором, и вполне стихийными крестьянскими восстаниями, и искусственными большевицкими голодами по 30, по 40 губерний — и, может быть, закончилась лишь искоренением крестьянства в 1930-1932 и перетряхом всего уклада в первой пятилетке. Так вот и катилась революция — 15 лет”. См. Солженицын А.И. 2007. Размышления над Февральской революцией. — *Российская газета*. 05.03.2007. “Русская Революция — это историческая эпоха между примерно 1860 и 1930 годами” [Пивоваров 2009: 216].

тип, тенденции развития постреволюционного режима. Выясним, как проявляются эти связи в случае Русской революции, чем обусловлена специфика ее траектории.

ЗАКОНОМЕРНОСТИ ДИНАМИКИ СЕКУЛЯРИЗАЦИИ И АВАНГАРДИЗМА

Секуляризация и возникающий рано или поздно контрпроцесс десекуляризации прямо зависят от устройства доминирующей церкви, ее национально-национального или национального характера, основного способа получения экономического дохода, характера отношений с властью, элитами, широкими массами и протестными группами.

Если церковь тесно связана с властью и элитами, участвует явно или неявно в поддержке эксплуатации, подавлении низших классов и сословий, то следует ожидать антиклерикальной направленности революционной идеологии, радикальной секуляризации при победе революции, либо жесткой клерикализации режима при победе реакции. Яркими примерами здесь служат Великая Французская революция и Реставрация.

Если же церковь или религиозные общины отделены от государства, встроены в повседневную жизнь широких слоев населения, оказывают помощь беднейшим, особенно когда отношение правящих, элитных групп к религии резко отличается от массового, тем более если элиты и вовсе атеистичны, тогда протестные и революционные движения включают религиозные настроения, идеи, лозунги и могут обретать форму сект, религиозного обновленчества или борьбы за освобождение гонимой и подавляемой веры. Подтверждают данный тезис многие исторические явления: от роли хилиазма в крестьянских войнах в Германии, в Английской революции, от антипапской Реформации XVI-XVII вв. до католического компонента в освободительной борьбе Ирландии, в бархатных революциях в Венгрии и Польше 1989 гг. и до участия “Братьев-мусульман” в Египетской революции 2011 г.

Уровень насилия в революционный и постреволюционный периоды зависит (кроме прочего) от общности или разделенности конфликтующих сторон в конфессиональном аспекте, от остроты борьбы между атеизмом и религией. Внутри общей веры насилие, как правило, более или менее ограничено, тогда как разделенность и наличие застарелых религиозных конфликтов провоцируют эскалацию насилия, достигающего максимума в форме террора или геноцида.

Новые национальные государства неуклонно расширяли бюрократическое проникновение в соответствующие общества, где сталкивались с локальными традиционными устоями и церковью. Отношения бюрократии и церкви могли быть более конфликтными (как во Франции и Германии) или менее конфликтными (как в Англии и США), но везде церковь, укорененная в старых режимах и элитах, по понятным соображениям была склонна поддерживать имущие классы, поэтому при обострении классового конфликта низовые движения нередко обретали антиклерикальный характер.

Авангардизм понимается здесь как преобладающая направленность на новизну, небывалое и необычное в культурном творчестве. Авангардизм появляется и растет, когда разрушаются прежние традиционалистские рамки, ограничения, поддерживающие их институты, когда появляются новые социальные группы и слои, которые самоутверждаются, обретают свою иден-

тичность не через подражание прежним канонам культурного потребления, а через их отрицание и следование новым образцам.

Традиционализм преобладает, когда легитимные и доминирующие в культурной сфере правящий класс и элиты утверждают свое достоинство через следование канонам, поощрение их в производстве и потреблении культуры, ограничивают, подавляют авангардные течения как угрозу нарушения порядка и “порушения святынь”, как знамена опасных мятежных движений.

Если при старом режиме ограничивались или подавлялись авангардные течения, если в этом режиме способствовала государственная традиционалистская церковь, то после победы революции следует ожидать период роста религиозной эмансипации и разнообразного авангардизма. Когда же при консолидации нового режима правящие элиты получают монопольный контроль над культурным производством, то вероятны либо установление новых канонов, либо возврат к тем дореволюционным образцам, приверженность которым считается элитами в наибольшей мере легитимирующей их власть и привилегии.

ПУТЬ К ВОИНСТВУЮЩЕМУ АТЕИЗМУ И “СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМУ РЕАЛИЗМУ”

В Русской революции православная церковь, бывшая одним из государственных учреждений, вполне правомерно ассоциировалась революционными вождями и массами с царской властью и старым режимом. Временное правительство, хоть и продолжало управлять церковью, даже финансировало Всероссийский собор (август 1917 г.), но было явно настроено на секуляризацию, отделение церкви от государства и школы от церкви, на свободу вероисповедания [Соколов 2014].

Противостоявшие Временному правительству Советы, а затем победившие в Революции большевики были настроены гораздо более радикально. Такое расхождение в отношении к церкви и православию углубило мировоззренческий разрыв и агрессивное отчуждение между “белыми” и “красными” в Гражданскую войну.

После создания СССР нацеленность правящей группы большевиков на создание “нового советского человека” предполагала очищение от прежних традиционных устоев, где православие, особенно за пределами крупных городов, еще сохраняло свои позиции. Демонстративная жестокая борьба с религией в форме разрушения церквей и репрессий против священнослужителей проходила под флагом идеологии *воинствующего атеизма*.

Если секуляризация ограничивается вытеснением вопросов веры на периферию общественной жизни или вовсе переводит их в приватную область, то воинствующий атеизм как идеология государства с тоталитарным вектором развития является принудительным и всеохватным. Таким образом, секуляризация, начавшаяся в Феврале в качестве важной части культурной модернизации, вследствие конфликтной динамики Революции и Гражданской войны, победы большевиков как радикальных противников религии и церкви, становится принудительным атеизмом, который навязывается репрессивным государством. Растущий на освободившемся от прежних святынь месте культ вождя со священной книгой (“Кратким курсом”) претендовал стать, как было многократно отмечено, некой псевдорелигией.

Широкое распространение светского образования, культивируемое уважение к науке и технике лежали в русле модернизации и с полным правом могут быть

отнесены к заслугам Революции и Советской власти. Но принудительный государственный атеизм, с репрессиями против клира и верующих, с последующим негласным контролем спецслужб над церковью являет собой яркий пример контрмодернизации — отдаленного и парадоксального следствия Февраля как символа и надежды политического и духовного модерна.

Вполне закономерен был рост авангардных течений в живописи, архитектуре, музыке, театре в 1920-х годах — после победы революционных сил, низвержения церкви, разрушения, кардинального обновления прежних культурных институтов, поддерживавших прежние каноны (академий, учебных заведений, профессиональных сообществ, журналов и т.д.). Такова “Культура Один”, ярко описанная Владимиром Паперным [Паперный 2016].

С начала 1930-х годов консолидация режима из политической и экономической сферы распространяется на сферу культуры. Вместо разноцветья творческих групп с манифестами, новыми формами и стилями появляются контролируемые правящей партией профессиональные союзы со своими иерархиями, фактически близкие к статусу государственных ведомств. Этой трансформации соответствует становление нового общеобязательного канона, названного “социалистическим реализмом”, в рамках которого темы “строительства коммунизма”, “борьбы с врагами социалистического Отечества”, “формирования нового человека” сопрягались с заимствованными из “буржуазной” эпохи образцами “высокого стиля” — классицизма (“сталинский ампир” в архитектуре) и популярного массового искусства (сугубо идеологическая продукция, несколько разбавленная кинокомедиями по образцу голливудских). Так была выращена, институализирована и принудительно навязывалась “Культура Два” [там же].

Таким образом, в сфере культурного творчества, как и в сфере религии, начальный революционный порыв к модернизации сменился закономерной контрмодернизацией.

БЮРОКРАТИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ:

ОБЩИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ КОНФЛИКТНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ

Бюрократизация как проникновение государственных структур и порядков в недра общества обычно замещает прежние традиционные институты патримониального (формирующегося вокруг “больших домов”, поместий) или общинного (внутри “крестьянских миров”) характера. Революции возникают при слабости и провалах государственной бюрократии, а побеждают при падении легитимности власти, при недостаточной лояльности, мощи ее силовых структур, их решимости защищать режим [Коллинз 2015: гл. 1-2]. Чем сильнее революционные лидеры и массы отчуждены от бюрократических структур и их представителей, тем выше уровень взаимного насилия следует ожидать при обострении конфликта.

Характер постреволюционного режима в значительной мере зависит от установок захватившей власть группы. Революционные идеалы больше связываются с низовым самоуправлением, защитой от государственного вмешательства, — при наличии сильных традиций и успешных образцов соответствующих локальных и автономных экономических институтов. Если же таких развитых традиций и институтов не было, а появившиеся заново считаются новой революционной властью враждебными задуманным социальным преобразованиям, тогда следует ожидать усилий по их разрушению.

А вместе с тем, роста новой – уже постреволюционной – бюрократии, а также попыток распространить желаемые порядки на всю толщу жизни общества, вплоть до тотального контроля сознания и поведения каждого.

Бюрократия всегда имеет свои интересы, при этом бюрократический аппарат также является орудием правящей группы, лучше или хуже, но выполняет поставленные ею цели. Важно, каким образом осуществляется контроль над поведением бюрократии, насколько эффективно решаются задачи, каким образом ограничивается или пресекается коррупция. Это делается, как правило, тремя основными способами:

1) *изнутри*, самой бюрократией – через внутренний и взаимный контроль, когда честное выполнение правил и обязанностей становится внутренней необходимостью большинства чиновников;

2) *извне* – политической оппозицией и обществом через прессу, публичную критику, судебные иски;

3) *сверху* – правящей группой через устрашающее принуждение, показательные “порки”, “разоблачения” и т.п.

В постреволюционных режимах при полном или существенном обновлении бюрократии, когда пресловутые “сто тысяч вакансий” (Талейран) заполняются “людьми с улицы” без должного образования и индоктринации, редко когда можно надеяться на способ (1). Способ (2) работает только при достаточно высоком уровне демократии, разделения властей, при наличии реальной оппозиции, сильных и влиятельных СМИ.

Когда оба способа недоступны или неприемлемы для авторитарно правящей группы, ей приходится применять в целях дисциплинирования бюрократии способ (3). Однако он чреват напряжениями, расколами, заговорами внутри самого аппарата, для пресечения которых приходится использовать устрашение или даже систематическое насилие (“чистки”), а для этого нужно выстраивать отдельную иерархию силовых структур. Разрастаясь, последняя неизбежно бюрократизируется, требует уже контроля над собой и сама становится большой угрозой. Именно поэтому авторитарные правители, долго сохраняющие власть, как правило, успешно выстраивают несколько параллельных силовых иерархий, ревностно следящих друг за другом.

Выбор правителем (правящей группой) задач и способов действия бюрократии (в том числе силовой) подчиняется общему закону: разнообразие задач и способов и сфер ее действия возрастает при успехе (положительном подкреплении) и сокращается, приводит к поиску альтернативных форм поведения при неудачах (отрицательном подкреплении). В области политического насилия, когда отсутствуют сдерживающие факторы (независимый суд, сопротивление оппозиции, влиятельных социальных групп и проч.), данный закон действует особенно надежно. Так, если тайные операции, политические убийства, массовые репрессии и казни в какой-то сфере показали руководству “успешность”, то те же способы действия вполне закономерно будут расширяться и переноситься на другие сферы.

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

КАК КОНФЛИКТНЫЙ ПЕРЕХОД МЕЖДУ ДВУМЯ БЮРОКРАТИЯМИ

После Реформы 1861 г. общество оставалось сословным, что означало для “разночинцев” (выходцев из неблагородных классов) сохранение пре-

град на карьерном пути к престижным позициям в имперской бюрократии. Появление “народничества” и его последующая радикализация (терроризм “Народной Воли”) были связаны как раз с упорным нежеланием бюрократии вести диалог с протестными движениями, использовать их активистский потенциал для необходимых реформ. С этим грузом конфликтов, несмотря на реакцию при Александре III, Российская империя в конце XIX в. уверенно вошла в процесс глобальной модернизации, прежде всего через экономическую политику С.Ю. Витте [Давидович 1975; Пайпс 2005].

С революционных событий 1905 г., Октябрьского манифеста и первых Государственных Дум (их избрания, работы и разгонов) оформляется и углубляется *раскол элит* [Аврех 1989; Демин 1996]. Весной 1917 г. оппозиция в лице “Прогрессивного блока” (отчасти кадетской, отчасти социалистической части Думы) воспользовалась февральскими восстаниями и на начальном этапе захватила власть [Катков 1997]. Таким образом, Временное правительство было сформировано контрэлитой, при этом глубоко вовлеченной в имперские государственные структуры и бюрократию. Поэтому до июльских событий 1917 г. государственное и антигосударственное насилие было минимальным [Нефедов 2005; Пивоваров 2009]. Поджоги крестьянами имений стали следствием фактического разгона полиции, т.е. непротестного разрушения низовых силовых структур государственной бюрократии².

Параллельно Временному правительству на откровенно “антибуржуазных” основах создавался Петросовет, олицетворявший собою полное неприятие “министров-капиталистов” и всей остаточной имперской государственной машины – бюрократии [Пайпс 2005]. Конфликт между ними вылился в июльский кризис, радикально изменивший ход революционных событий. За июльскими протестами последовали аресты большевиков, выступление Верховного главнокомандующего Русской Армией Л.Г. Корнилова и его провал, Октябрьский переворот и жестокие бои в Москве, разгон Учредительного собрания, создание ЧК, так наз. триумфальное шествие Советской власти весной 1918 г., начало Гражданской войны, красный террор, белый террор и насилие “Гуляй-поля”. Все это стало следствием разрушения прежнего *порядка контроля над насилием* в процессах революционной смены власти: на смену слабой бюрократии Февраля, так и не сумевшей отделить себя в массовом протестном сознании от ненавистного царского режима, приходила нарождающаяся в Советах и созревавшая в большевистском правительстве (Совете Народных Комиссаров) новая революционная бюрократия. Характерными для нее стали не только демонстративный отказ от прежних названий государственных органов, должностей (в том числе офицерских должностей в армии), упразднение полиции, учреждение милиции и т.п., но также легкость и решительность применения прямого насилия к “контрреволюционным элементам”. Неслучайно особую роль в кадровом наполнении новой советской, партийной, силовой бюрократии играли вернувшиеся с войны “комитетчики”, позже – красные командиры, пришедшие с Гражданской войны [Красный террор... 2004; Колоницкий 2010].

Патримониальная поместная система была подорвана еще Реформой 1861 г. и окончательно разрушена массовыми поджогами имений и земельными захватами в 1917-1918 гг., бегством дворянства. Крестьянские общины еще существовали, в начале века появлялись, бурно росли новые формы кооперации,

² Солженицын А.И. 2007. Размышления над Февральской революцией. – *Российская газета*. 05.03.2007.

толстовские коммуны и проч. Все эти структуры низовой самоорганизации воспринимались большевистской бюрократией как чуждые и враждебные, подобные нэпманским предприятиям, трестам, частным банкам. Поэтому сплошная коллективизация 1929-1930 гг., создание полностью подконтрольных государству колхозов и совхозов, последующая замена художественных, писательских сообществ централизованными и полностью подконтрольными “союзами” и все подобные мероприятия в остальных сферах социальной жизни, по сути дела, *являлись всеохватной постреволюционной бюрократизацией*.

Большевики весьма осторожно использовали услуги царских чиновников, они не доверяли даже “спецам”, остававшимся объектом репрессивной политики (“дело Промпартии” и др.). Не было даже речи о политической оппозиции, самостоятельной влиятельной прессе и независимом суде. Таким образом, единственным способом эффективного дисциплинирования собственной бюрократии по-прежнему было устрашающее принуждение “сверху”, способ контроля (3) (см. выше). Готовность к насилию и умение его применять, сформировавшиеся в ходе Гражданской войны, первоначально адресовались “контрреволюционерам” и “классово чуждым”, но затем стали использоваться и в отношении “своих”.

Судя по всему, важную роль в выборе приоритетов государственного строительства, задач и способов действия бюрократии сыграла серия тайных операций Советской России за рубежом, направленная на раскол эмиграции, на уничтожение лидеров ее политической и военной организации. Насилие показало себя исключительно эффективным средством³. Тем человеком, который быстрее и лучше других почувствовал, какие огромные возможности предоставляет умелое использование насилия в политической конкуренции и аппаратной борьбе при отсутствии уничтоженных революцией противовесов, стал Иосиф Сталин. Ловко сколачивая коалиции против очередных “козлов отпущения”, Сталин последовательно одерживал победы над всеми влиятельными лидерами и группами. Вскоре огромный заново созданный аппарат насилия стал использоваться им для целого спектра целей: от полного подчинения и удержания в постоянном страхе партийной, советской, промышленной, военной бюрократии и бюрократизированных “творческих союзов” до систематической массовой поставки рабской рабочей силы для рытья каналов, лесозаготовок, добычи ископаемых, “великих строек” советской индустрии и даже кадров для научных и конструкторских “шарашек”.

Бюрократизация является неотъемлемой частью модернизации. Модернизация шла и в постреволюционной России (в масштабе и формах СССР), но основанная на насилии и страхе. Большевистская и выросшая из нее коммунистическая бюрократизация вполне закономерно имели ярко выраженный тоталитарный характер⁴.

³ Большевики предприняли целый комплекс весьма успешных мер, направленных на подрыв Съезда российской эмиграции 1926 г., путем внедрения тайных агентов, дискредитации, а затем и целенаправленного уничтожения руководства. При странных обстоятельствах умерли создатель и фактический глава Российского общевоинского союза П.Н. Врангель (апрель, 1928 г., предположительно отравлен агентом НКВД), признанный на Съезде вождем эмиграции Великий князь Николай Николаевич (январь 1929 г.), похищен агентами ГПУ преемник Врангеля председатель РОВС А.П. Кутепов (январь 1930 г., вероятно, убит тогда же). Дзержинским была проведена известная операция “Трест”. В среде эмиграции нарастал страх перед “всесилием ГПУ”, даже боевое офицерство было деморализовано, а планируемое освобождение России от большевизма – сорвано [Голдин 2006: 93-208].

⁴ Ср.: “Модернизация в России 1928-1975 годов (до проявления очевидных признаков стагнации и краха системы) – представляла собой односторонний процесс военно-промышленной модернизации, соответствующий интересам воспроизводства тоталитарного режима” [Гудков 2002: 60].

СДВИГИ В МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ КАК ФАКТОРЫ РЕВОЛЮЦИЙ

Индустриализация обычно сопровождается урбанизацией – массовым перетоком сельского населения в города. Новый класс рабочих оказывается изъятым из прежнего жизненного уклада, контролируемого союзом церкви и землевладельческой знати. Концентрация рабочих в городах, рост эксплуатации, социальные напряжения, а также сохранение актуальности, популярности революционного дискурса привели к распространению протестных идеологий, волнам революций 1830-1831, 1848-1849, 1870-1871 гг., существенным уступкам со стороны “старых режимов” и развитию парламентской демократии в ведущих западных государствах.

Развитие международных рынков сельскохозяйственной продукции ударило и по крестьянам, причем не столько из-за флуктуации цен, сколько из-за заинтересованности авторитарных правительств в экспорте, выигрыше за счет разницы во внутренних и внешних ценах благодаря разным формам принуждения, эксплуатации сельского населения.

Политические и экономические элиты в обществах, находящихся в ядре мир-экономики (по И. Валлерстайну) и уже имеющие парламентскую систему, сталкиваясь с сильным рабочим движением, с крестьянскими бунтами, обрели эффективные инструменты их “замирения” как через повышение заработной платы и закупочных цен, так и через расширение избирательного права. Традиционные монархии, находящиеся в полупериферийной части мир-экономики, продолжали делать ставку, скорее, на силовое подавление. Буржуазия в таких обществах оставалась неконсолидированной, она не выработала солидарного чувства ответственности за политическую стабильность, была не склонна поступаться прибылью для умиротворения недовольного рабочего класса и крестьянства. Важную роль играла также интенсивность проникновения в низы общества революционных идеологий.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СТОРОНА РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ – СЛОМ И ПЕРЕРОЖДЕНИЕ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

Индустриализация в царскую эпоху имела только отчасти капиталистический характер, поскольку настоящего открытия рынков земли, капитала и рабочей силы не произошло. Причина состояла не только в остатках прежних политико-экономических отношений в пореформенной России, но и в громадном государственном участии в экономике, прежде всего в финансовой сфере, в железнодорожном строительстве (Транссиб и др.), военной промышленности, металлургии, горном деле, производстве и продаже алкоголя [Давидович 1975; Шацилло 1992]⁵.

В 1890-х годах в России началась особенно бурная индустриализация и урбанизация [Аврех 1989; Пайпс 2005]. Города росли, наполнялись “рабочими слободками”, оставшиеся в сельской местности крестьяне страдали от малоземелья и экономических тягот как следствий Реформы. Уязвимость режима в Российской империи была особенно высока. Совместное действие факторов быстрой урбанизации, импортных революционных идеологий,

⁵“...Царизм владел и управлял 2/3 всей железнодорожной сети, 7/8 всех телеграфов, 1/3 всей земли и 2/3 лесов страны, а также наиболее ценными рудниками, продукция которых обрабатывалась на казенных же заводах; правительство продавало все спиртные напитки и скупало весь спирт; с помощью центрального Государственного банка оно контролировало финансовое положение страны” [Давидович 1975: 47-48].

невыгодного для большинства населения характера включенности в международные рынки было наиболее сильным именно в России. Из “мальгузианской ловушки” (быстрый рост населения и малоземелье) страна попала в “марксову ловушку” (углубление социального неравенства, ставшего непереносимым) [Гринин 2010].

В результате начавшаяся в России неполноценная (по своей природе) капиталистическая индустриализация была сломлена Революцией и Гражданской войной. Вектор постреволюционного развития экономики зависел от доминировавших идеологий, планов и действий победившей группы, от характера ее ответов на вызовы (трудности, конфликты, кризисы).

Постреволюционная власть национализировала крупные сферы экономики, удерживала главные рычаги управления “народным хозяйством”. НЭП был введен как вынужденный ответ большевиков на провал “военного коммунизма”, на шок Кронштадтского мятежа, Тамбовского восстания, на реальные опасности повтора подобных событий. При НЭПе стали быстро восстанавливаться мелкий и даже средний бизнес, появилось множество трестов, синдикатов, коопераций, относительно самостоятельных банков, росли иностранные концессии, бурно развивалась рыночная торговля, преодолев начальные запреты и ограничения. Фактически возрождался капитализм, что хорошо понимали Ленин, Троцкий и другие лидеры большевиков. Государство, борясь с пугающим ростом капитализма, прямо вмешивалось в установление цен, в банковскую сферу, что закономерно приводило к дисбалансам, тромбам в экономических потоках, кризисам.

После особенно глубокого кризиса 1927 г. с поставкой хлеба городам было принято принципиальное решение о сворачивании НЭПа. Реализация этого решения, вероятно, была прямо увязана с ликвидацией внешней военной угрозы со стороны эмиграции в 1928 г. (см. выше). В октябре того же года был объявлен первый пятилетний план с курсом на коллективизацию и ускоренную *индустриализацию*. Последняя, таким образом, носила откровенно *антикапиталистический* характер: частные банки были ликвидированы, управление промышленностью полностью централизовано.

С одной стороны, были запущены широкие государственные образовательные программы, имела место большая государственная поддержка науки и инженерии, строились современные предприятия, в основном благодаря участию американских технологий, специалистов и высококвалифицированных рабочих. С другой стороны, отечественные рабочие фактически становились крепостными при заводах, а крестьяне – при колхозах. Начиная со строительства Беломорканала (1931-1933 гг.), стало все масштабней использоваться государственное рабство – принудительный труд узников ГУЛАГа.

Как видим, оборотная сторона “недокапиталистической” индустриализации в дореволюционный период, запоздалого и невыгодного включения Российской империи в европейскую мир-экономику стала значимым (наряду с другими) фактором Революции – крушения Империи. “Социалистическую” индустриализацию следует отнести к модернизации лишь в моментах образования, науки и заимствованных технологий, в социальных же отношениях эти процессы имели отчетливо *контрмодернизационный* характер. Полукапиталистическая экономика царизма в результате бурных революционных событий стала тотально государственной.

ТРАГИЧЕСКИЙ ПАРАДОКС: ОТ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ – К ТОТАЛИТАРИЗМУ

В демократизации как части мировых процессов модернизации будем различать три процесса: расширение избирательного права, коллегиальное разделение власти и переход к порядку открытого доступа, свободы создания организаций [Коллинз 2015: гл. 4; Норт, Уоллис, Вайнгаст 2011; Розов 2008; Розов 2011: гл. 14].

Коллегиально разделенная власть (КРВ) понимается как разделение властей (парламент и суд реально независимы от главы государства, правительства и его структур), дополненное существенной ролью представителей провинций и преимущественно горизонтальным характером политических взаимодействий.

На нижнем полюсе воображаемого континуума – развития КРВ – имеет место централизованная иерархия подчинения во главе с автократом или несменяемой, фактически не избираемой правящей группой (“тайный совет”, “диван”, “политбюро” или “совет безопасности”). По мере развития КРВ (демократизации в данном аспекте) возрастает число коллегиальных структур и растет их доля власти в сравнении с монопольной властью верхушки центральной иерархии.

Р. Коллинз приводит убедительные аргументы в пользу первостепенной значимости именно данной стороны демократии [там же]. При низком уровне КРВ и широком избирательном праве вполне комфортно себя чувствуют режимы типа “электорального авторитаризма”. Порядок открытого доступа и свобода создания организаций в таких условиях неосуществимы, поскольку при монополизации одним центром всех властных ресурсов становятся неизбежными как барьеры доступа к политике, так и фактические запреты на политическую самоорганизацию. Важнейшие признаки либеральной демократии – надежная защита прав и свобод граждан, собственности, соблюдение интересов меньшинств, экономическая свобода, порядок открытого доступа – с необходимостью предполагают независимые от центральной иерархии властные институты, прежде всего судебную систему, свободные СМИ, местную ответственную перед гражданами полицию, влиятельные гражданские организации, иными словами – высокий уровень КРВ.

Эволюция избирательного права с первых Государственных Дум и до становления сталинского режима хорошо изучена [Демин 1996; Государственная Дума России 2006]. Несколько упрощая, скажем: от элитистской дискриминации первых Дум через антиэлитистскую дискриминацию выборов в Советы в 1917 г. и с трудовым и политическим цензом в Конституции 1918 г. страна пришла к зафиксированному в Конституции СССР 1936 г. всеобщему избирательному праву.

Разумеется, этот процесс нельзя считать движением к демократии, причем не только из-за жесткого партийного контроля над выборами и полной подчиненности выборных советских органов невыборной власти ВКП(б). Гораздо большее значение имела динамика в континууме коллегиального разделения власти, к которой мы сейчас и обратимся.

Самодержавие и по своему имени (формально, прямому аналогу “автократии”), и по существу отрицает коллегиальное разделение власти, т.е. появление отдельных от него политических центров, с которыми самодержец вынужден был бы делиться своим могуществом. Делегирование множества властных функций Сенату, Государственному Совету, Канцелярии Его Императорского Величества, Синоду, министерствам и другим органам, в том

числе коллегиальным, *не разделяло*, а только *осуществляло* самодержавную власть [Аврех 1989; Пайпс 2005]. Учреждение выборных земских собраний как часть Реформы 1961 г. было довольно слабым продвижением к коллегиальной власти, поскольку в ведение земств попали (и то частично) только местные хозяйственные и социальные вопросы, такие как народное образование, медицинская помощь, благотворительность, строительство дорог и мостов и т.д.

Настоящей победой Революции 1905 г. был учрежденный Октябрьским манифестом парламентаризм, а это уже весьма существенное продвижение к коллегиальному разделению власти, явное ограничение самодержавия⁶. Царская администрация сразу попыталась нивелировать это ограничение, поставить под контроль Государственную Думу, сделав назначаемый царем Государственный Совет верхней палатой законодательного собрания. Постоянно воспроизводившийся конфликт приводил к известным роспускам Дум. В напряжении военного времени этот конфликт достиг апогея осенью 1916 г. (речь П.Н. Милюкова 1 ноября со знаменитым рефреном “Глупость или измена?”), а при крайнем обострении уличных протестов привел к отречению царя и формированию “Прогрессивным блоком” Временного правительства, что и составило политическое существо Февральской революции.

На короткое время из двух центров остался правящим один, но вскоре появились автономные Советы, что и составило эпоху “двоевластия”, продолжавшуюся до Октябрьского переворота. Общепринятым в России является весьма негативное отношение к “двоевластию”, причем обычно ему противопоставляется единоначалие (по образцу военного) с полной централизацией власти и ресурсов. С негативной оценкой того конкретного “двоевластия” следует согласиться, поскольку отношения между двумя центрами власти в России 1917 г. развивались как сугубо конфликтные, даже антагонистические, что вело к разрушению не только государства, социального порядка, но и остатков общенациональной солидарности. Разгон Учредительного собрания, узурпация и преимущественно насильственное распространение власти большевиков по стране, кровопролитная Гражданская война – прямые следствия доставшегося от царской эпохи и разросшегося в период Революции политического антагонизма⁷.

Закономерная динамика отказа от сотрудничества и роста антагонизма проанализирована автором в другой работе [Розов 2016]. Провалы переговоров и компромиссов, успехи стратегий подавления подкрепляют агрессивные стратегии сторон. Главная причина провалов мирных стратегий состоит в том, что именно бескомпромиссность обеспечивает получение поддержки (силовой, популярной или международной) непримиримым антагонистам. Последние воспринимают любые уступки со стороны противника как симптомы его слабости и близящегося поражения. Поэтому обеими сторонами уступки отвергаются.

⁶ Ср.: “Главная удача революции 1905-1907 годов в том, что она завершилась компромиссом между властью и обществом, но не победой одной из этих двух сил. Результатом этого компромисса стали конституция 23 апреля 1906 года, широкая политическая реформа и столыпинское преобразование страны” [Пивоваров 2009: 216].

⁷ В этом антагонизме были как объективные классовые, сословные причины, усиленные памятью недавних репрессий 1908-1910 гг., так и вполне осознанная политика “злых гениев революции”, таких как Владимир Ленин и Лев Троцкий. Они успешно оседлали, использовали, направили массовую ненависть посредством таких лозунгов, как “Превратим империалистическую войну в гражданскую!”, “Долой министров-капиталистов!”, а впоследствии начали красный террор – “устрашение, аресты и уничтожение врагов революции по принципу их классовой принадлежности” [Красный террор... 2004].

“Двоевластие” действительно не стало, а в ситуации 1917 г. и не могло стать, коллегиальным разделением власти, которое предполагает базовый уровень солидарности, правила и процедуры взаимодействия, партнерство на основе разделения функций и полномочий, блокирование стремлений подавить и уничтожить конкурента⁸.

После победы в Гражданской войне большевистский режим сразу стал претендовать на всевластие, подавлял остатки и ростки политической оппозиции. В 1920-е годы большевикам еще не хватало аппаратной мощи для полного могущества, сохранялась “внутрипартийная демократия”. Затем последовали изгнание Троцкого, подавление правой (Бухарин) и левой (Зиновьев и Каменев) “антипартийных групп”. Становление сталинизма являло собой последовательное и жесткое продвижение к автократии через массовое насилие и устрашение. В результате сталинская автократия во многом превзошла царское самодержавие. Достаточно сказать, что как бы автономные от партийной власти “выборные” советские и профсоюзные органы, профессиональные сообщества не имели и сотой доли самостоятельности, полномочий и ресурсов, которые были у земств, дворянских и купеческих собраний, профессиональных сообществ в дореволюционный период.

Итак, важнейшая линия становления демократии как компонента модернизации – развитие коллегиального разделения власти – стала самой провальной в истории России первой трети XX в. Установка на захват всей полноты власти любыми средствами (читай: насилием и устрашением) была характерна для наиболее успешных акторов в конфликтах этой эпохи. Немногие участники политического взаимодействия были настроены на выборные процедуры, разделение и ограничение власти, разрешение конфликтов через переговоры, самоценность права и независимого суда. Такие люди имелись среди кадетов, меньшевиков, эсеров, составлявших большинство Учредительного собрания, лидеров Белой армии с идеями “непредрешенчества”. Сюда относятся даже некоторые большевики типа Федора Раскольникова, Николая Бухарина и Сергея Кирова, но неслучайно все они проигрывали конфликты, изгонялись из политики, бежали из страны или вовсе были уничтожены⁹.

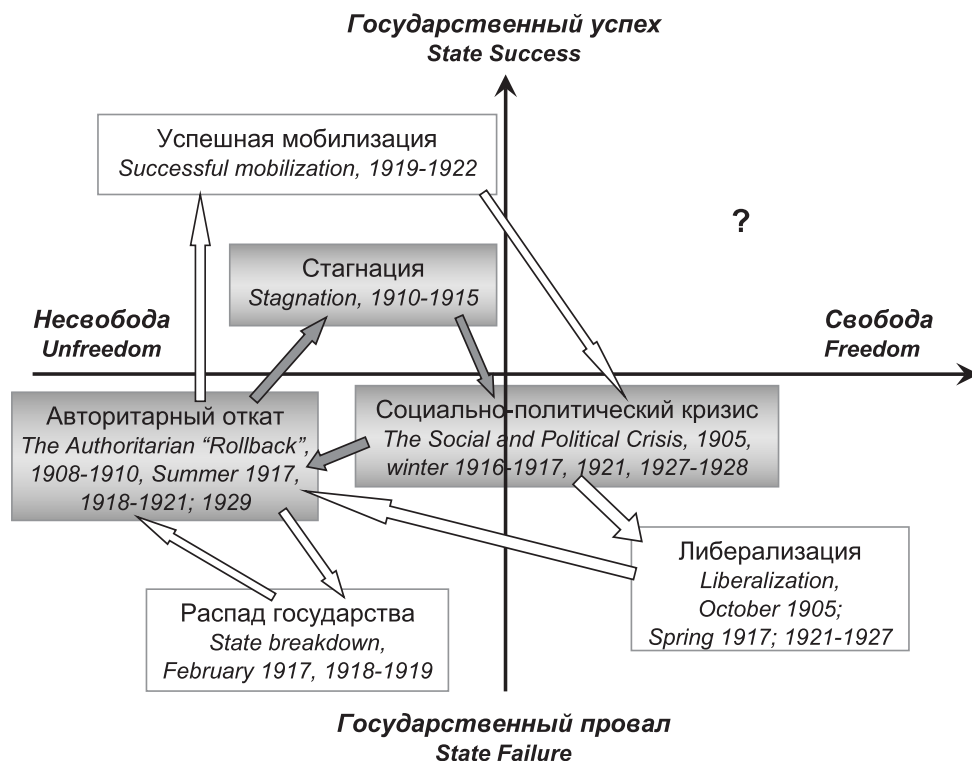
РЕВОЛЮЦИЯ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКИХ ЦИКЛОВ

Российские циклы сложнее, чем их обычно представляют (регулярные смены заморозков и оттепелей, реформ и контрреформ). Циклы включают закономерную динамику в пространстве “государственный успех / провал” и “свобода / несвобода” [Розов 2011: гл. 7-10], переходы между фазами (см. рис.).

⁸ Беда в том, что в советском, антисоветском эмигрантском, да и в современном российском политическом сознании антиподом негодного “двоевластия” до сих пор остается единоначалие (в форме всевластия Государя Императора, Партии, Вождя, Политбюро, Генерального секретаря КПСС, Президента и его Администрации). Однако антагонистическое двоевластие было бы неверно противопоставлять единоначалию (как мечте каждого антагониста). Вместе они противостоят *коллегиальному разделению власти как основе демократии*.

⁹ Склонность к полному властному контролю, идеал “вертикали власти” характеризует и современных лидеров российской политики. Кажется, в “несистемной” оппозиции от этих стереотипов стали отказываться. Однако сам отказ не означает автоматического появления умений вести горизонтальные переговоры и составлять широкие эффективные коалиции. Судя по плачевному состоянию, разрозненности, возобновляющимся скандалам и расколам в оппозиционной среде, такие умения российским политикам еще предстоит осваивать.

Основные такты и межтакты переходы в циклической динамике истории России
Basic Rhythms and Inter-rhythmic Transitions in the Cyclic Dynamics of Russian History

Примечание. Контур заштрихованных блоков и стрелок – кольцевая динамика наиболее частых переходов. Контур между “Успешной мобилизацией”, “Либерализацией” и “Распадом государства” – размашистая маятниковая динамика [Розов 2011: гл. 7].
 (The contour of the shaded blocks and arrows is the ring dynamics of the most frequent transitions. The circuit between the “Successful mobilization”, “Liberalization” and “State breakdown” presents the pendulum dynamics [Rozov 2011: Ch. 7].)

Перечислим эти фазы и сопоставим им события и периоды Революции (в самом широком смысле – с 1905 по 1930-е годы):

– “Социально-политический кризис” (делегитимация власти и режима, массовые протесты): революционные события 1905-1907 гг., продовольственный кризис и беспорядки в Петрограде зимой 1916-1917 гг., июльские события и Корниловское выступление августа 1917 г., Тамбовское восстание и Кронштадтский мятеж 1920-1921 гг.; кризис хлебозаготовок для городов 1927-1928 гг.

– “Авторитарный откат” (восстановление государства, порядка за счет подавления свободы): подавление мятежей, карательные акции 1908-1910 гг., провальные попытки Временного Правительства подавить склоняющиеся к большевизму Советы, разгон Учредительного собрания, Военный коммунизм и Красный террор 1918-1921 гг., коллективизация 1929-1930 гг., “чистки” и Большой террор 1930-х годов.

— “*Распад государства*” (крайняя форма “Кризиса” — свержение власти, разрушение государственных институтов, отпадение провинций, обычно после провальной попытки “Авторитарного отката”). Низвержение монархии весной 1917 г., полное разрушение прежних государственных структур в Гражданской войне (с начала 1918 г.).

— “*Успешная мобилизация*” (государственный успех, обычно через военное расширение территории при низких уровнях свободы): победа большевиков в Гражданской войне; восстановление почти всей прежней Империи при создании СССР в 1922 г.

— “*Стагнация*” (умеренные колебания в экономике, назревание социальной и политической нестабильности при росте “свободы для избранных” — эмансипации элит от государственного принуждения, соответствующий рост коррупции).

— “*Либерализация*” (устранение репрессивных и ограничивающих институтов, рост свободы, как правило, в тяжелой ситуации для власти и режима): начальные действия Временного правительства весной 1917 г., вынужденное введение Советским правительством НЭПа (1921-1927 гг.).

ОДНОБОКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ: ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УСПЕХ БЕЗ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СВОБОДЫ

Полноценная модернизация в своих главных процессах является одновременно продвижением к свободе и государственному успеху.

Действительно, *секуляризация* продвигает общество к свободе совести; *демократизация* — к росту политического участия, защите прав и свобод через коллегиальное разделение власти; *разнообразие и смена стилей* — к свободе в культурном творчестве и потреблении.

Бюрократизация является усилением государства, расширением его функций. Растущая роль бюрократии в жизни общества соответствует концентрации финансовых, силовых, административных, символических ресурсов. *Капиталистическая индустриализация* обеспечивает это современное бюрократизированное государство мощными экономическими институтами и технологиями, позволяет наполнять бюджет благодаря налогам с растущего богатства частных лиц и компаний.

Таким образом, успешная модернизация надежно переводит общество в оптимальный квадрант: высокий уровень свободы + высокий государственный успех, до сих пор остающийся для России недостижимым (отмечен на рис. знаком “?”).

Как видно на примере нашей истории (и не только нашей), модернизация не всегда бывает успешной, она также может вести к ловушкам, провалам, революциям, гражданским войнам и даже государственным распадам. Проведенное сопоставление компонентов модернизации с ходом Русской революции позволяет сформулировать следующие итоговые положения.

Секуляризация, предполагавшаяся после Февраля, обернулась принудительным государственным атеизмом, послереволюционный расцвет культурного авангарда — жесткой цензурой под эгидой обязательного “социалистического реализма”, практически полной потерей творческой свободы.

Начальные подвижки Февраля к демократии, коллегиальному разделению власти после бурных событий привели к сталинизму — одной из наиболее жестоких форм тоталитаризма. “Освободительная” Революция привела к полному проигрышу общества в аспекте политической свободы.

Разрушенные Революцией “недокапиталистическая” индустриализация и старорежимная бюрократия затем возродились уже в форме “социалисти-

ческой” индустриализации и сталинской “номенклатуры”. Оба процесса усилили тоталитарное и агрессивное государство (с амбициями “всемирной победы коммунизма”), сыграли большую роль в победе 1945 г., в достижении наивысшего успеха — превращении СССР в 1950-1970-е годы в сверхдержаву с многочисленными сателлитами “соцлагеря”.

Дальнейшая история СССР и Российской Федерации продолжается в колее описанных выше циклов. За последние три десятилетия, начиная с перестроечной “Либерализации” конца 1980-х годов, страна прошла еще один период трансформации. За ней последовали неудавшаяся попытка “авторитарного отката” в августе 1991 г., период “государственного распада” декабря 1991 г. и — в октябре 1993 г. — новая неудача “авторитарного отката”. После экономической и медийной “либерализации” 1990-х — начала 2000-х годов этот начавшийся еще в 1980-е годы период сочетает “стагнацию” с беспрецедентным масштабом коррупции. На всем его протяжении наблюдаются “социально-политические кризисы” 1993, 1998-1999, 2008-2009 и 2011-2012 гг., волны новых “авторитарных откатов” 2003-2004, 2012-2013 и 2014-2015 гг., нарастающие тенденции десекуляризации общества, усиления неофициальной цензуры в культурном творчестве, попытки восстановления государственной идеологии, ограничения процессов политической самоорганизации. Продолжается деиндустриализация, а государственная бюрократия соскальзывает к неопатримониализму — системе множественных кланов, построенных на основе личной лояльности. Страною утрачены передовые позиции в науке, образовании, технологиях, медицине, освоении Космоса.

Таким образом, *прошедшее после Революции 1917 г. столетие показывает ущербность однобокой модернизации, когда государственный успех достигается за счет подавления политической свободы: даже прежние достижения обращаются вспять.*

Как верно отметил Чарльз Тилли, “революция в России еще не завершилась” [Тилли 2006: 210]. Удержать неизбежные будущие кризисы в мирном русле, направить протесты, политические изменения и реформы к полноценной модернизации, коллегиальному разделению власти, порядку открытого доступа — значит, преодолеть инерцию *колеи* порочных циклов, перейти через *Перевал* к новой логике исторического развития [Розов 2011: гл. 14-18]. Удастся ли такой прорыв при очередном крутом повороте истории, зависит от множества объективных и субъективных факторов, которые уже сейчас складываются. Многое зависит в том числе и от адекватности осмысления интеллектуальным сообществом сущности и уроков Русской революции столетней давности.

Аврех А.Я. 1989. *Царизм накануне свержения*. М.: Наука. 256 с.

Голдин В.И. 2006. *Солдаты на чужбине. Русский Обще-Воинский Союз, Россия и Русское Зарубежье в XX-XXI веках*. Архангельск: Солти. 796 с.

Государственная Дума России. 2006. Энциклопедия. В 2-х т. 1906-2006 гг. Т. 1. 1906-1917 гг. М.: РОССПЭН. 768 с.

Гринин Л.Е. 2010. Мальгузианско-Марксова “ловушка” и русские революции. — *Причины Русской революции*. М.: ЛКИ. С. 198-224.

Гудков Л.Д. 2002. Особенности модернизации в России и характер русской этнонациональной идентичности. — *Выборы в Российской Федерации*. СПб.: Норма. С. 69-71.

Давидович А. М. 1975. *Самодержавие в эпоху империализма*. М.: Наука. 351 с.

Демин В. А. 1996. *Государственная дума России*. М.: РОССПЭН. 214 с.

Катков Г. 1997. *Февральская революция*. М.: Русский путь. 419 с.

Коллинз Р. 2015. *Макроистория: очерки социологии большой длительности*. М.: УРСС. 499 с.

- Колоницкий Б. 2010. Красные против красных. — *Нева*. № 11. С. 144-164.
- Красный террор в годы Гражданской войны*. 2004. Под ред. Ю. Фельштинского. М.: ТЕРРА-Книжный клуб. 512 с.
- Нефедов С.Н. 2005. Февраль 1917 года: власть, общество, хлеб и революция. — *Уральский исторический вестник*. № 10. С. 112-123.
- Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. 2011. *Насилие и социальные порядки*. М.: Издательство Института Гайдара. 479 с.
- Пайпс Р. 2005. *Русская революция*. М.: Захаров.
- Паперный В. 2016. *Культура Два*. М.: Новое литературное обозрение. 416 с.
- Пивоваров Ю.С. 2009. Непреодоленная революция. — *Прогнозы и стратегии*. № 1. С. 216-223.
- Розов Н.С. Коллегиально разделенная власть и условия поэтапного становления демократии в России. — *Полис. Политические исследования*. 2008. № 5. С. 74-89. Доступ: <http://www.politstudies.ru/article/4037> (проверено 06.02.2017).
- Розов Н.С. 2011. *Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке*. М.: РОССПЭН. 735 с.
- Розов Н.С. 2016. Динамика расцветов и распадов обществ: на пути к охватывающей парадигме. — *Общественные науки и современность*. № 4. С. 146-158.
- Соколов А.В. 2014. *Государство и Православная церковь в России, февраль 1917 — январь 1918 гг.* Дис. на соиск. уч. ст. д. ист. н. СПб.
- Тилли Ч. 2006. Создание России. — *Прогнозис*. № 3(7). С. 168-210.
- Шацилло К.Ф. 1992. *Государство и монополии в военной промышленности России (конец XIX в. — 1914 г.)*. М.: Наука. 270 с.

DOI: [10.17976/jpps/2017.02.02](https://doi.org/10.17976/jpps/2017.02.02)

24 THE VECTOR OF RUSSIAN 1917 REVOLUTION: MODERNIZATION OR COUNTER-MODERNIZATION?

N.S. Rozov¹

¹*Novosibirsk State University. Novosibirsk, Russia*

ROZOV Nikolai Sergeevich, Dr. Sci. (Philos.), Professor, Institute for Philosophy and Law, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences; Philosophy Dept., Novosibirsk State University; Chair for International Relations and Regional Studies, Novosibirsk State Technological University. Email: nrozov@gmail.com

Rozov N. S. The Vector of Russian 1917 Revolution: Modernization or Counter-Modernization? — *Polis. Political Studies*. 2017. No. 2. P. 8-25. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.02.02>

This article was prepared with financial support provided by the Russian Foundation for Humanities (project No 16-03-00318 “Revolutionary waves in the modernization dynamics of societies in 19th-21st centuries: the macrosociological and socio-philosophical analysis”).

Received: 05.07.2016. Accepted: 26.12.2016

Abstract. Russian revolution in the broadest sense (from its prehistory in 1905-1907 to the Stalinist regime formation in the late 1920s) is considered in the context of several autonomous modernization processes (according to Randall Collins): secularization, growth of creative freedom in culture, bureaucratization, capitalist industrialization, and democratization. General links are formulated between these processes and revolutions in such aspects as the level of violence, the revolutionary success (change of power, significant concessions) or failure (when reaction wins), as well as the type of development trends of post-revolutionary regimes. True modernization usually leads to growth of economic, political and creative freedom, it strengthens a state in the aspects of resources, political and military power, prosperity and management. Russian revolutionary way was ambiguous. The Revolution led to one-sided modernization that later turned out to be counter-modernization. Initial progress after the February 1917 to democracy and collegial division of power led finally to Stalinism as one of the most brutal forms of totalitarianism. The “under-capitalist” industrialization and the Tzarist bureaucracy of the old regime were destroyed by the Revolution but then they both revived in forms of the “socialist” Stalinist industrialization and Soviet “nomenclature”. These

processes have strengthened the totalitarian and aggressive state of USSR with its later triumph of the victory in 1945 and formation of a superpower with several socialist satellites. However, in the aspects of secularity, creative freedom and democracy the counter-modernization occurred which caused fragility of this state success, turbulence of further development, recent slip to deindustrialization in national economy, neopatrimonialism as a decay of state bureaucracy, growth of censorship and desecularization in culture.

Keywords: Russian revolution; modernization; counter-modernization; secularization; militant atheism; creative freedom; bureaucratization; industrialization; democratization; civil war; revolutionary violence; collectivization; Stalinism.

References

- Avreh A.Ya. *Tsarism nakanune sverzheniya* [Tzarism before Overthrow]. Moscow: Nauka. 1989. 256 p. (In Russ.)
- Collins R. *Macrohistory: Essays in Sociology of the Long Run*. (Russ. ed.: Collins R. *Makroistoriya: ocherki sotsiologii bol'shoi dlitel'nosti*. Moscow: URSS. 2015. 499 p.)
- Davidovich A.M. *Samoderzhavie v epohu imperializma* [Autocracy in the Epoch of Imperialism]. Moscow: Nauka. 1975. 351 p. (In Russ.)
- Demin V.A. *Gosudarstvennaya дума Rossii* [The State Duma of Russia]. Moscow: ROSSPEN. 1996. 214 p. (In Russ.)
- Goldin V.I. *Soldaty na chuzhbine. Russkii Obshche-Voinskii Soyuz, Rossiya i Russkoe Zarubezh'e v XX-XXI vekakh* [Soldiers in a Foreign Land. Pan-Russian Military Union, Russia and the Russian Diaspora in 20th-21st Centuries]. Arhangelsk: Solti. 2006. 796 p. (In Russ.)
- Gosudarstvennaya Duma Rossii. 1906-2006. Entsiklopediya. Vol. 1. 1906-1917*. [The State Duma of Russia. Encyclopediya. Vol. 1. 1906-2006]. Moscow: ROSSPEN. 2006. 768 p. (In Russ.)
- Grinin L.E. Maltuziansko-Marksova lovushka i russkie revolyucii [Marx-Malthusian "Trap" and the Russian Revolution]. — *Prichiny Russkoy revolyucii* [The Causes of the Russian Revolution]. Moscow: LKI. 2010. P. 198-224. (In Russ.)
- Gudkov L.D. Osobennosti modernizatsii v Rossii i harakter russkoy etnonatsionalnoy identichnosti [Specifics of Modernization in Russia and the Nature of Russian Ethno-national Identity]. — *Vibori v Rossiyskoy Federacii*. Saint Petersburg: Norma. 2002. P. 69-71. (In Russ.)
- Katkov G. *Fevralskaya revolyuciya* [The February Revolution]. Moscow: Russkiy put'. 1997. 419 p. (In Russ.)
- Kolonickiy B. Reds vs. Reds. — *Neva*. 2010. No. 11. P. 144-164. (In Russ.)
- Krasnyy terror v gody Grazhdanskoj vojny*. [The Red Terror during the Civil War.]. Ed. by Yu. Felshtinsky. Moscow: TERRA-Knizhnyy klub. 2004. 512 p. (In Russ.)
- Nefedov S.N. February 1917: Government, Society, Bread and the Revolution. — *Uralskiy istoricheskiy vestnik*. 2005. No. 10. P. 112-123. (In Russ.)
- North D., Wallis J., Weingast B. Violence and Social Orders (Russ. ed.: North D., Wallis J., Weingast B. *Nasilie i sotsial'nye poryadki*. Moscow: Gaidar Institute Press. 2011. 479 p.)
- Paperny V. *Architecture in the Age of Stalin: Culture Two*. (Russ. ed.: Paperny V. Kul'tura Dva. Moscow: New Literary Observer. 2016. 416 p.)
- Pipes R. 2005. *The Russian Revolution*. (Russ. ed.: Pipes R. Russkaya revolyutsiya. Moscow: Zakharov. 2005.)
- Pivovarov Yu.S. Irresistible Revolution. — *Prognoz i strategii*. 2009. No. 1. P. 216-223. (In Russ.)
- Rozov N.S. Jointly Divided Power and the Conditions of Democracy in Russia in the Making Stage by Stage. — *Polis. Political Studies*. 2008. No. 5. P. 74-89. (In Russ.) URL: <http://www.politstudies.ru/article/4037> (accessed 06.02.2017).
- Rozov N.S. *Koleya i pereval: makrosociologicheskie osnovaniya strategiy Rossii v 21 veke* [Track and Pass: Macro-sociological Foundations for Russian Strategies in the 21st Century]. Moscow: ROSSPEN. 2011. 735 p. (In Russ.)
- Rozov N.S. Dinamika rascvetov i raspadov obschestv: na puti k ohvativayushey paradigme [Dynamics of Rise and Decay of Societies: Towards an Embracing Paradigm]. — *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*. 2016. No. 4. P. 146-158. (In Russ.)
- Shacillo K.F. *Gosudarstvo i monopolii v voennoj promishlennosti Rossii (konec 19 veka — 1914)* [The State and the Monopoly in the Military Industry of Russia (the End of 19th Century — 1914)]. Moscow: Nauka. 1992. 270 p. (In Russ.)
- Sokolov A.V. *Gosudarstvo i Pravoslavnaya cerkov v Rossii, fevral' 1917 - yanvar 1918*. [State and the Orthodox Church in Russia, February 1917 — January 1918]. Saint Petersburg. 2014. (In Russ.)
- Tilly Ch. Creation of Russia. — *Prognosis*. 2006. No. 3(7). P. 168-210.